

Научная статья
УДК 37.015.4
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Алексей Максимович Лисицинский

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, lisitzinskiy@yandex.ru*

Аннотация

В статье исследуется потенциал антропологической перспективы для углубленного понимания российского образования как социокультурного феномена. Опираясь на работы Т. М. Надыршина и М. С. Гусельцевой, обосновывается актуальность и продуктивность антропологического подхода, позволяющего определить скрытые культурные механизмы и неформальные практики, формирующие образовательное пространство России. В историографическом обзоре показано, что интерес антропологов к образованию в России, в том числе советскому, имеет давние традиции, однако современная ситуация требует переосмысления и углубления этого исследовательского направления. Дан обзор ключевых концепций антропологии образования — культурной трансмиссии, инкультурации, скрытого учебного плана и культурной терапии — и демонстрируется их аналитическая сила в контексте российской образовательной реальности. Статья обогащена эмпирическими данными, полученными в исследовании идентичности учителей, демонстрирующими проявление механизмов культурной трансмиссии и адаптации к школе в российском контексте. Предлагается методологический инструментарий, включающий этнографические методы, нарративный и контекстуальный анализ, опирающийся на исследования ведущих специалистов в области антропологической методологии. Рассматриваются ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику: механизмы трансляции ценностей, проявление неявных учебных программ, влияние этнокультурного многообразия, историческая память и роль школы как культурного института. Особое внимание уделяется практическому применению концепции культурной терапии для решения актуальных задач гуманизации и развития российского образования. В дискуссии сопоставляются возможности и ограничения антропологического подхода в изучении образования в сравнении с социологическими и педагогическими перспективами. В заключение подчеркивается значение антропологического подхода для формирования более глубокого, контекстуализированного и критического понимания российского образования, необходимого для разработки эффективных стратегий его дальнейшего развития.

Ключевые слова:

антропология образования, российское образование, культурная трансмиссия, скрытый учебный план, инкультурация, культурная терапия, этнография, социокультурный контекст, гуманизация образования, идентичность учителя, дисциплинарный код, методология антропологического исследования

Для цитирования:

Лисицинский А. М. Антропологическая перспектива изучения российского образования // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 57–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005.

Original article

ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE OF STUDYING RUSSIAN EDUCATION

Alexey M. Lisitsinskiy

The Center for Humanitarian Problems of the Barents region of the Federal Research Center "Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Apatity, Russia, lisitzinskiy@yandex.ru

Abstract

The article explores the potential of the anthropological perspective for an in-depth understanding of Russian education as a sociocultural phenomenon. Based on the works of T. M. Nadyrshin and M. S. Guseltseva, the relevance and productivity of the anthropological approach are substantiated, which makes it possible to reveal the hidden cultural mechanisms and informal practices that shape the educational space of Russia. The historiographical review shows that the interest of anthropologists in education in Russia, including Soviet education, has a long tradition, but the current situation requires rethinking and deepening this research direction. An overview of the key concepts of anthropology of education — cultural transmission, enculturation, hidden curriculum and cultural therapy — is presented and their analytical power in the context of Russian educational reality is demonstrated. The article is enriched with empirical data obtained in a study of teacher identity, demonstrating the manifestation of cultural transmission and adaptation to school mechanisms in the Russian context. A methodological toolkit is proposed, including ethnographic methods, narrative and contextual analysis, based on research by leading experts in the field of anthropological methodology. The key aspects of Russian education through anthropological optics are examined: mechanisms of value transmission, manifestation of hidden curricula, influence of ethnocultural diversity, historical memory and the role of school as a cultural institution. Special attention is paid to the practical application of the concept of cultural therapy to solve topical problems of humanization and development of Russian education. The discussion compares the possibilities and limitations of the anthropological approach in the study of education in comparison with sociological and pedagogical perspectives. In conclusion, the significance of the anthropological approach for the formation of a deeper, contextualized and critical understanding of Russian education, necessary for the development of effective strategies for its further development, is emphasized.

Keywords:

anthropology of education, Russian education, cultural transmission, hidden curriculum, enculturation, cultural therapy, ethnography, sociocultural context, humanization of education, teacher identity, disciplinary code, methodology of anthropological research

For citation:

Lisitsinskiy A. M. Anthropological perspective of studying Russian education // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 1. P. 57–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.005.

Введение

Современное российское образование, находящееся в условиях динамичных социальных изменений и амбициозных реформ, сталкивается с комплексом вызовов, требующих не только управленческих и технологических, но и глубоких социокультурных решений. В контексте растущего этнокультурного многообразия, поиска национальной идентичности и стремления к качественному и инклюзивному образованию, традиционные педагогические и социологические подходы оказываются недостаточными для раскрытия скрытых культурных механизмов, неформальных практик и глубинных ценностных ориентаций, формирующих российское образовательное пространство. Именно антропологическая перспектива, с ее фокусом на культуре, контексте и «взгляде изнутри», предлагает уникальные инструменты для углубленного понимания этих невидимых, на первый взгляд, аспектов образования.

Как отмечает Т. М. Надыршин, несмотря на богатые традиции этнографического изучения российской культуры, образование как специфическая область культурной практики в современной российской антропологии долгое время оставалось на периферии исследовательского внимания [1]. Следует отметить, что утверждение о недостатке внимания к образованию справедливо преимущественно для современной ситуации и в сравнении с другими областями культурной практики. Историографический анализ показывает, что интерес к образованию как антропологическому феномену возникал и ранее, в том числе в отношении советской школы [2–6]. Эта «лакуна» особенно ощутима сегодня, когда необходимо выйти за рамки формальных показателей и оценок эффективности образовательной системы, чтобы понять, как российская школа и университет функционируют как культурные институты, какие ценности и нормы они транслируют неявно, как взаимодействуют с различными социокультурными группами и как формируют идентичность молодого поколения.

Настоящая статья призвана обосновать продуктивность и необходимость антропологической перспективы для исследования российского образования в современных условиях. Ее целью является не только актуализация антропологического знания в российском образовательном дискурсе, но и предложение практического инструментария для эмпирического изучения социокультурных оснований российской образовательной системы. Она будет полезна исследователям образования, антропологам, педагогам-практикам и управленцам в сфере образования, стремящимся к более глубокому и контекстуализированному пониманию российского образования и поиску путей его гуманизации и эффективного развития.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи.

1. Представить теоретический обзор ключевых концепций антропологии образования, релевантных для российского контекста.
2. Обосновать выбор методологического инструментария для антропологического исследования российского образования, опирающегося на этнографические методы, нарративный и контекстуальный анализ, и подкрепить его ссылками на авторитетные источники по антропологической методологии.
3. Рассмотреть ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику, включая механизмы культурной трансмиссии, проявление скрытого учебного плана, влияние этнокультурного разнообразия и исторической памяти, а также роль школы как культурного института.
4. Обсудить возможности практического применения концепции культурной терапии для решения актуальных проблем российского образования.
5. Определить значение антропологической перспективы для дальнейшего развития российского образования и социально-гуманитарных наук в целом, сопоставив ее с другими подходами и обозначив границы применения.

Теоретические основы антропологической перспективы изучения образования

Антропология образования — это междисциплинарная область исследований, формирующаяся на стыке антропологии и педагогики, которая рассматривает образование не просто как механизм передачи знаний и навыков, но как глубоко культурный процесс. В отличие от традиционных педагогических подходов, фокусирующихся на методиках обучения и достижении измеримых результатов, антропология образования стремится раскрыть социокультурные основания

образовательных практик, понимая образование как способ воспроизводства, трансформации и передачи культуры от поколения к поколению.

М. С. Гусельцева подчеркивает многогранность антропологии образования, определяя ее не только как академическую дисциплину, но и как «методологию, мировоззрение, социальные и педагогические практики» [7]. Такое широкое понимание отражает междисциплинарный и практико-ориентированный характер данного направления. Истоки антропологии образования восходят к классическим работам антропологов начала XX века, но свое институциональное оформление она получила во второй половине XX века в США, благодаря работам Дж. и Л. Спиндлер [8], чьи идеи подробно анализируются М. С. Гусельцевой [7–11]. В российской науке интерес к антропологической перспективе образования активно растет в последние годы, опираясь на давние традиции отечественной этнографии и педагогической антропологии [1, 12].

Ключевыми концепциями, формирующими теоретический фундамент антропологии образования и релевантными для анализа российского образовательного пространства, являются следующие.

Культурная трансмиссия (передача культуры). Центральная концепция, рассматривающая образование как процесс трансляции культурного опыта, ценностей, норм и моделей поведения от поколения к поколению. Как отмечает Т. М. Надыршин, образование — это «передача (трансмиссия) культуры или правильнее будет сказать процесс передачи культуры» [1]. В российском контексте культурная трансмиссия включает в себя не только усвоение знаний по предметам, но и воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к историческому прошлому и культурному наследию России. Исследование идентичности учителей подтверждает, что учителя, выбирая профессию, часто ориентируются на образцы своих собственных учителей, воспроизводя педагогические установки и ценности, усвоенные в процессе собственного обучения [13]. Например, уроки литературы часто направлены не только на анализ текстов, но и на формирование определенных моральных ценностей и представлений о «русской душе».

Инкультурация и социализация. Взаимосвязанные процессы усвоения индивидом культурных норм и ценностей. Инкультурация — более широкий процесс погружения в культуру, начавшийся с детства, тогда как социализация — более узконаправленный процесс усвоения социальных норм и ролей, необходимых для функционирования в обществе. Образование выступает важнейшим институтом социализации и инкультурации, способствуя формированию культурной идентичности и адаптации индивида к социокультурной среде [12]. Адаптация учителей к школе, как показано в исследовании Барановой и Маслинского, является процессом инкультурации в профессию, включающим усвоение «дисциплинарного кода», который выступает важным элементом профессиональной идентичности [13]. Например, школьные правила и распорядок дня не только дисциплинируют учеников, но и формируют определенные модели поведения, соответствующие социальным ожиданиям в российском обществе.

Скрытый учебный план (hidden curriculum). Концепция, обращающая внимание на неявные, имплицитные аспекты образовательного процесса, которые не зафиксированы в формальных программах, но оказывают существенное влияние на формирование учащихся. Скрытый учебный план включает в себя неосознаваемую трансляцию культурных норм, ценностей, установок и предубеждений через повседневные школьные практики, межличностные отношения, организацию образовательного пространства и даже язык педагогов. М. С. Гусельцева, анализируя работы Дж. и Л. Спиндлер, подчеркивает, что «скрытые процессы имеют наибольшее значение для понимания того, что такое школьное образование и какую роль в нем играет учитель» [7]. Дисциплинарный код учителя, выявленный в исследовании идентичности учителей, является конкретным проявлением скрытого учебного плана в российском образовании [13]. Этот неявный кодекс поведения и коммуникации, усваиваемый в процессе адаптации к школе, оказывает существенное влияние на профессиональную идентичность и практики учителей. Например, гендерные стереотипы, неосознанно транслируемые учителями через распределение заданий или оценку ответов мальчиков и девочек, являются частью скрытого учебного плана.

Культурная терапия. Практико-ориентированная концепция, разработанная Дж. и Л. Спиндлер, предлагающая методы осознания и преодоления культурных предубеждений и стереотипов в образовательной среде. Культурная терапия направлена на повышение культурной компетентности

педагогов, развитие рефлексивности и критического мышления, а также создание более инклюзивной и эмпатичной образовательной среды. М. С. Гусельцева раскрывает культурную терапию как «процесс доведения этих иллюзий до сознательной реализации, чтобы с ними можно было работать в ходе обсуждения и обучающего опыта» [9]. Проблемы адаптации учителей к школе, выявленные в исследовании Барановой и Маслинского, в частности сложности с усвоением дисциплинарного кода [13], подчеркивают актуальность культурной терапии для российского образования, указывая на необходимость осознания и преодоления неявных культурных норм и стереотипов, влияющих на образовательный процесс. В российском контексте культурная терапия может быть применена для работы с этнокультурными стереотипами, предубеждениями в отношении социальных групп или для развития межкультурной компетентности в поликультурных регионах.

Методологический инструментарий антропологического исследования российского образования

Для реализации антропологической перспективы в исследовании российского образования необходим комплексный методологический подход, сочетающий качественные методы с глубоким контекстуальным анализом. Предлагаемый инструментарий опирается на традиционные для антропологии этнографические методы, дополненные нарративным и контекстуальным подходами, что позволяет обеспечить многоаспектное и глубокое изучение образовательного пространства России. Новаторство статьи заключается в предложении комплексного методологического инструментария, адаптированного для исследования российского образования с антропологической перспективы и обоснованного не только общими описаниями методов, но и ссылками на авторитетные исследования в области качественной методологии [14–16]. Именно этнографические методы позволяют получить «взгляд изнутри» на образовательные практики, раскрыть неформальные аспекты школьной жизни и понять культурные смыслы, которые остаются незамеченными при использовании количественных методов или формализованных опросов. Исследование идентичности учителей [13] является примером успешного применения этнографических методов, в частности глубинных интервью, для изучения российского образования с антропологической перспективы.

К основным этнографическим методам, наиболее релевантным для исследования российского образования, относятся следующие.

Включенное и невключенное наблюдение. Методы, позволяющие исследователю непосредственно наблюдать за образовательным процессом в естественной среде [14]. Включенное наблюдение предполагает активное участие исследователя в жизни образовательного учреждения, например, посещение уроков в разных классах, участие во внеклассных мероприятиях, педагогических советах, общение с учениками и учителями в неформальной обстановке. Это дает возможность понять логику действий участников образовательного процесса изнутри, увидеть скрытые правила и нормы школьной жизни. Невключенное наблюдение предполагает позицию «стороннего наблюдателя», позволяя фиксировать паттерны поведения и взаимодействия, менее зависимые от присутствия исследователя. В российской школе, например, наблюдение может быть направлено на анализ взаимодействия учителя и учеников на уроках литературы, поведения учеников на переменах, способов организации классного пространства или ритуалов проведения школьных мероприятий, таких, как «последний звонок» или празднование дня учителя. Важно отметить, что антропологическое наблюдение не ограничивается простым описанием видимого поведения, но стремится к интерпретации культурных смыслов и контекстов наблюдаемых явлений [15]. Оба вида наблюдения могут быть дополнены аудио- и видеофиксацией для более детального анализа.

Интервью. Метод сбора информации путем целенаправленной беседы с участниками образовательного процесса [16]. Глубинные интервью с учителями, учениками, администрацией образовательных учреждений, родителями позволяют выявить их субъективные мнения, ценности, установки, представления об образовании, а также особенности их личного опыта в образовательной среде. Полуструктурированные интервью предполагают наличие заранее разработанного плана беседы, оставляя при этом пространство для гибкости и спонтанности диалога. Этнографическое интервью, в отличие от социологического опроса, ориентировано не на получение стандартизированных ответов, а на раскрытие

индивидуальных нарративов и культурных смыслов [16]. Исследование идентичности учителей [13] демонстрирует эффективность глубинных интервью для выявления субъективных представлений учителей о профессии, адаптации к школе и профессиональной идентичности. Например, в интервью с учителями можно спросить об их понимании целей образования, о методах воспитания патриотизма, о сложностях работы в современной школе или о том, как они видят роль учителя в российском обществе. Интервью с учениками могут быть направлены на выявление их отношения к учебе, к учителям, к школьным правилам, их представлений о будущем и роли образования в нем.

Фокус-группы (групповые дискуссии). Метод качественного исследования, предполагающий организацию групповой дискуссии по заранее определенной теме [17]. Проведение фокус-групп с учениками разных возрастов, учителями разных предметов, родителями, представителями школьной администрации позволяет выявить групповые мнения, ценности, представления и нормы, существующие в образовательной среде. Дискуссия в группе стимулирует участников к более активному выражению своей позиции и позволяет выявить разнообразие точек зрения по ключевым вопросам образования. Использование фокус-групп в этнографическом исследовании требует особого внимания к этическим аспектам и методологической обоснованности. Важно обеспечить добровольное участие, конфиденциальность и уважительное отношение к мнениям всех участников дискуссии [17]. В антропологическом контексте фокус-группы целесообразно рассматривать как «групповые дискуссии», ориентированные на выявление коллективных представлений и норм, а не на получение стандартизированных данных или достижение консенсуса. Например, фокус-группа с родителями может быть посвящена вопросам качества образования, роли школы в воспитании детей или их ожиданиям от российской образовательной системы.

Сбор и анализ артефактов образовательной среды. Метод, предполагающий изучение материальных объектов, созданных и используемых в образовательном процессе [18]. Анализ учебных программ, учебников, планов уроков, школьной документации (например, классных журналов, личных дел учеников), материалов школьных музеев, стенгазет, детских работ (сочинений, рисунков), фотографий, видеозаписей школьных мероприятий и других артефактов позволяет выявить явные и скрытые культурные смыслы, ценности и нормы, транслируемые в образовательной среде. Т. М. Надыршин подчеркивает значимость анализа учебников истории для выявления ценностей, транслируемых в историческом образовании [12]. Антропологический анализ артефактов предполагает не только описание материальных объектов, но и их интерпретацию в социокультурном контексте, выявление символических значений и культурных кодов, заложенных в них [18]. В российском контексте анализ учебников литературы может раскрыть представления о «национальном характере» и «героическом прошлом», а анализ школьных стенгазет и оформления школьных коридоров — символические аспекты школьной культуры и официальной идеологии.

Нарративный анализ дополняет этнографические методы, фокусируясь на изучении личных историй и нарративов участников образовательного процесса [19]. Анализ устных и письменных нарративов учеников, учителей, родителей позволяет реконструировать их субъективный опыт образования, выявить ключевые события, переживания, ценности и смыслы, связанные с образовательным процессом. В антропологии нарративный анализ рассматривается не только как метод сбора и анализа данных, но и как способ понимания культурных смыслов и форм саморепрезентации индивидов в определенной культуре [19]. Статья Барановой и Маслинского активно использует нарративный анализ, фокусируясь на «рассказах о поворотных моментах профессиональной биографии» учителей, чтобы реконструировать их профессиональную идентичность и особенности адаптации к школе [13]. Например, нарративы учителей о выборе профессии, о любимых учениках, о сложностях и радостях педагогической работы могут раскрыть их профессиональную идентичность и ценностные ориентации. Нарративы учеников о любимых предметах, о взаимоотношениях с одноклассниками, о значимых школьных событиях позволяют увидеть образование «глазами» учеников и понять, как они конструируют свою образовательную реальность.

Контекстуальный анализ является неотъемлемой частью антропологического исследования российского образования, подчеркивая необходимость учета социокультурного, исторического, политического и экономического контекста. Российское образование невозможно понять вне исторической традиции российской педагогики, вне культурных ценностей и норм российского общества, вне политических идеологий, влияющих на образовательную политику,

и вне экономических реалий, определяющих доступность и качество образования. Контекстуальный анализ включает в себя следующие контексты.

Исторический. Анализ исторических этапов развития российского образования, от дореволюционной системы образования до советской и постсоветской модели, выявление ключевых реформ, тенденций и традиций, оказавших влияние на современное состояние образовательной системы. Например, анализ советской системы образования позволяет понять истоки централизации, унификации и идеологизации образования, которые до сих пор оказывают влияние на российскую школу.

Социокультурный. Анализ культурных ценностей, норм, традиций и установок, характерных для российского общества и их влияние на образовательный процесс. Особое внимание уделяется этнокультурному разнообразию России, межэтническим отношениям и региональным особенностям в образовательной среде. Например, традиция уважения к учителю и старшим, коллективизм, ориентация на фундаментальное знание, патриотизм — все эти культурные ценности оказывают влияние на образовательные практики в России.

Политический. Анализ образовательной политики государства, ее целей, приоритетов и механизмов реализации, а также влияние политических идеологий на образовательный процесс. Современная образовательная политика России направлена на модернизацию образования, повышение его качества и конкурентоспособности, воспитание патриотизма и гражданственности. Антропологический анализ позволяет оценить, как эти политические цели реализуются на практике и какое влияние они оказывают на повседневную жизнь школ и университетов.

Экономический. Анализ экономических факторов, влияющих на образование, таких, как финансирование образования, социальное неравенство и доступность образования для разных социальных групп. Экономическое неравенство в России оказывает существенное влияние на доступность качественного образования, особенно для детей из сельских районов и малообеспеченных семей. Антропологическое исследование может раскрыть, как социальное и экономическое неравенство воспроизводится в образовательной системе и какие культурные механизмы это поддерживают.

Ключевые аспекты российского образования через антропологическую оптику

Применение антропологической оптики к российскому образованию позволяет выявить ряд ключевых аспектов, ранее остававшихся на периферии исследовательского внимания, и углубить понимание социокультурных оснований российской образовательной системы.

Механизмы культурной трансмиссии в российском образовании сложны и многоуровневы. Они включают в себя не только формальные образовательные программы и учебники, но и повседневные педагогические практики, межличностные отношения в образовательной среде, символические аспекты школьной культуры и неформальные каналы передачи культурных ценностей и норм. В российском образовании особую роль играют исторические нарративы, формирующие национальную идентичность и определенное видение исторического прошлого [12]. Исследование идентичности учителей подтверждает важность культурной трансмиссии в российском образовании, показывая, как учителя воспроизводят ценности и установки, усвоенные в процессе собственной социализации и профессиональной подготовки [13]. Например, уроки истории, литературы и обществознания часто направлены на формирование патриотизма, гражданственности и уважения к государственным институтам. Однако культурная трансмиссия не ограничивается официальными идеологическими установками. Например, празднование Дня Победы в школах — это не только формальное мероприятие, но и эмоционально насыщенный ритуал, передающий ценности памяти, героизма и национального единства. Антропологическое исследование позволяет выявить неявные механизмы культурной трансмиссии, анализируя не только формальное содержание образования, но и повседневные практики учителей, способы взаимодействия учеников и символическое оформление школьного пространства.

Проявление скрытого учебного плана в российском образовании является важным аспектом антропологического анализа. Скрытый учебный план может воспроизводить культурные паттерны, связанные с иерархией, авторитаризмом, коллективизмом и патернализмом, которые глубоко

укоренены в российской культуре. Дисциплинарный код учителя, выявленный в исследовании идентичности учителей [13], является конкретным проявлением скрытого учебного плана в российской школе, транслирующим ценности дисциплины, порядка и иерархии. Например, традиционная модель отношений «учитель – ученик» в российской школе часто характеризуется дистанцией, формализмом и ориентацией на авторитет учителя. Повседневные школьные практики такие, как оценка дисциплины наравне со знаниями, акцент на послушании и исполнительности, неявное поощрение конформизма, могут формировать у учеников определенные модели поведения и ценностные ориентации. Анализ межличностных отношений между учителями и учениками, неформальных норм и правил школьной жизни, символических аспектов школьной культуры позволяет выявить имплицитные механизмы социализации, формирующие определенные культурные установки. Например, наблюдение за тем, как учителя реагируют на проявление инициативы и критического мышления у учеников, может раскрыть скрытые аспекты учебного плана, связанные с формированием конформизма или автономии.

Этнокультурное разнообразие и межэтнические отношения в российском образовании представляют собой особую область антропологического исследования. Россия — многонациональная и поликультурная страна, и образовательная система должна учитывать это разнообразие, обеспечивая равные возможности для всех граждан независимо от их этнической и культурной принадлежности. Антропологическая перспектива позволяет анализировать образовательную политику и практики с точки зрения их соответствия принципам культурного плюрализма, равноправия и уважения к культурному разнообразию. Например, изучение языковой политики в образовании, адаптации образовательных программ к культурным особенностям разных этнических групп, подготовки педагогов к работе в поликультурной среде — все эти аспекты требуют антропологического осмысления. В некоторых регионах России существуют школы с этнокультурным компонентом, где изучается родной язык и культура. Антропологическое исследование может показать, как реализуются принципы межкультурного образования в таких школах, какие успехи и проблемы возникают в процессе межкультурного взаимодействия в российской школе [1].

Историческая память и формирование национальной идентичности в российском образовании являются ключевыми элементами культурной трансмиссии. Учебный предмет «История» играет особую роль в формировании национальной идентичности школьников, транслируя определенные исторические нарративы, ценности и символы [12]. Например, Великая Отечественная война занимает центральное место в исторической памяти российского общества и активно используется в образовании для воспитания патриотизма и национального единства. Антропологический анализ позволяет критически осмыслить эти нарративы, выявить их идеологическую нагрузку, потенциальные смещения и умолчания, а также рассмотреть альтернативные исторические перспективы. Например, изучение восприятия исторических событий разными социальными и этническими группами в российском обществе может выявить различия в исторической памяти и их влияние на формирование национальной идентичности.

Школа как культурный институт в российском обществе заслуживает особого внимания антропологического исследования. Школа — это не просто место получения знаний, но и самостоятельный культурный мир со своей уникальной культурой, традициями, ритуалами и символикой. Школьная культура включает в себя неформальные нормы и правила школьной жизни, межличностные отношения между участниками образовательного процесса, язык и коммуникацию в школьной среде, формы ученического самоуправления и детские субкультуры. Исследование идентичности учителей [13] подчеркивает важность коллектива и межличностных отношений в школьной культуре для адаптации и профессиональной идентичности учителей. Например, традиция классного руководства, система оценок и поощрений, ритуалы проведения школьных праздников, стиль общения учителей и учеников, оформление школьного пространства — все это элементы школьной культуры, которые формируют особую образовательную среду. Антропологический подход позволяет исследовать школьную культуру «изнутри», понять, как школа функционирует как культурный институт в российском обществе, какую роль играет в социализации и инкультурации детей и подростков, каково ее взаимодействие с местным сообществом и культурным контекстом.

Культурная терапия и практическое применение антропологического знания в российском образовании

Концепция культурной терапии Дж. и Л. Спиндлер представляет собой ценный инструмент для практического применения антропологического знания в российском образовании. В российском контексте культурная терапия может быть адаптирована и использована для:

- повышения культурной компетентности педагогов и администраторов образования. Программы повышения квалификации, основанные на принципах культурной терапии, могут помочь педагогам осознать свои культурные предубеждения и стереотипы, развить рефлексивность, критическое мышление, культурную чувствительность и толерантность. Исследование идентичности учителей [13] показывает необходимость повышения культурной компетентности педагогов в отношении дисциплинарного кода и неявных культурных норм школьной жизни. Например, семинары и тренинги, направленные на анализ конкретных ситуаций межкультурного взаимодействия в школе, могут способствовать осознанию педагогами своих неосознаваемых культурных установок и формированию более эмпатичного отношения к ученикам из разных культурных сред;

- разработки более эффективных и культурно-чувствительных методов обучения. Культурная терапия может служить основой для разработки новых методических подходов, учитывающих культурные особенности и потребности разных групп учащихся. Например, в регионах с этнокультурным разнообразием можно разрабатывать учебные материалы, учитывающие культурные традиции и ценности разных народов, использовать методы межкультурного диалога и проектной деятельности, направленные на развитие межкультурной компетентности учащихся;

- создания образовательных программ, учитывающих культурное разнообразие и способствующих формированию толерантности. Принципы культурной терапии могут быть положены в основу разработки образовательных программ, направленных на формирование толерантности, межкультурного взаимопонимания и уважения к культурному разнообразию. Например, интеграция этнокультурного компонента в учебные планы, разработка курсов по межкультурной коммуникации и культурной компетентности, включение в образовательный процесс элементов культурной терапии таких, как групповые дискуссии, рефлексивные практики и анализ конкретных ситуаций межкультурного взаимодействия;

- разработки рекомендаций для образовательной политики, направленных на гуманизацию и развитие российского образования. Антропологическое исследование российского образования с применением культурной терапии позволяет выявить ключевые проблемы и вызовы, связанные с культурными факторами, и разработать практические рекомендации для образовательной политики, направленные на ее гуманизацию и развитие. Выводы исследования идентичности учителей [13] могут быть использованы для разработки рекомендаций по адаптации молодых учителей к школе, учитывающих важность усвоения дисциплинарного кода и необходимость поддержки в процессе профессиональной инкультурации. Например, рекомендации по совершенствованию языковой политики в образовании, поддержке этнокультурного образования, развитию межкультурной компетентности у педагогов и учащихся, созданию инклюзивной образовательной среды, учитывающей культурное разнообразие и индивидуальные потребности всех учащихся.

Дискуссия и заключение

Представленное в статье исследование подтверждает высокую актуальность и продуктивность антропологической перспективы для изучения российского образования. Антропологический подход позволяет выйти за рамки традиционных педагогических и социологических исследований, углубиться в социокультурные основания российской образовательной системы, выявить скрытые механизмы культурной трансмиссии и проявления неявного учебного плана, а также оценить влияние этнокультурного разнообразия и исторической памяти на образовательный процесс.

Предложенный методологический инструментарий, основанный на этнографических методах, нарративном и контекстуальном анализе, предоставляет практические инструменты для эмпирического исследования российского образовательного пространства с позиций антропологии. Исследование идентичности учителей [13] служит эмпирическим подтверждением эффективности

данного методологического подхода для изучения российского образования. Концепция культурной терапии открывает перспективы практического применения антропологического знания для решения актуальных задач гуманизации и развития российского образования.

Вместе с тем, важно отметить, что антропологическая перспектива, фокусируясь на глубинных культурных смыслах и локальных контекстах, имеет ограничения в обобщении результатов на макроуровне и разработке универсальных рекомендаций для образовательной политики. Социологические исследования, ориентированные на количественный анализ и выявление социальных закономерностей, могут дополнить антропологический подход, обеспечивая более широкую картину образовательных процессов в российском обществе. Педагогические исследования, сосредоточенные на разработке эффективных методов обучения и воспитания, необходимы для практической реализации принципов гуманизации и развития образования, выявленных в антропологических исследованиях.

Дальнейшие исследования российского образования с антропологической перспективы требуют проведения эмпирических исследований различных типов образовательных учреждений в России, в разных регионах и социокультурных контекстах. Особое внимание следует уделить изучению региональных и этнокультурных особенностей российского образования, сравнительному анализу российской образовательной модели с образовательными системами других стран, а также разработке и апробации методов культурной терапии в российском образовательном контексте.

Антропологическая перспектива открывает новые возможности для понимания российского образования как сложного и многоаспектного культурного феномена. Гуманизация российского образования, создание более открытой, инклюзивной и человеко-ориентированной образовательной среды, развитие межкультурного диалога и толерантности, формирование критического мышления и культурной компетентности у учащихся — все эти задачи требуют активного использования антропологического знания и методов культурной терапии в российской образовательной практике и образовательной политике. Антропологический поворот в российском образовании — это не только научная тенденция, но и насущная потребность времени, отвечающая на вызовы современного социокультурного развития России и мирового сообщества в целом, стремящегося к более глубокому пониманию человека в культуре и культуры в человеке.

Список источников

1. Надыршин Т. М. Актуальность поля образования для этнографии, этнологии и антропологии // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 72–78.
2. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104–155.
3. Маслинский К. А. Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского малого города и села): автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2017. 26 с.
4. Казакова К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 64–76.
5. Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 523–530.
6. Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Роль епархий Мурманской области во взаимодействии религиозного и светского образования // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 11–15. С. 7–24. DOI 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.7-24.
7. Гусельцева М. С. Джордж и Луиза Спиндлеры и задачи антропологии образования. Часть 1 // Образовательная политика. 2022. № 4(92). С. 18–27.
8. Spindler, G., & Spindler, L. Interpretive ethnography of education at home and abroad. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1987.

9. Гусельцева М. С. Джордж и Луиза Спиндлеры и задачи антропологии образования. Часть 2 // Образовательная политика. 2023. № 1(93). С. 94–105.
10. Гусельцева М. С. Антропологический поворот: предпосылки, латентные традиции и дискурсы. Часть первая. Предпосылки // Образовательная политика. 2023. № 3(95). С. 18–29.
11. Гусельцева М. С. Антропологический поворот: предпосылки, латентные традиции и дискурсы. Часть третья. Дискурсы // Образовательная политика. 2024. № 1(97). С. 38–50.
12. Надыршин Т. М. Проблемы антропологического изучения исторического образования в российской школе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 6–1. С. 186–195.
13. Баранова В. В., Маслинский К. А. Идентичность учителей: выбор профессии и адаптация к школе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 2. С. 104–118.
14. Emerson, R. M., Fretz, R. I., & Shaw, L. L. Writing ethnographic fieldnotes. University of Chicago Press, 2011.
15. Hammersley, M., & Atkinson, P. Ethnography: Principles in practice. Routledge, 2007.
16. Spradley, J. P. The ethnographic interview. Waveland Press, 2016.
17. Krueger, R. A., & Casey, M. A. Focus groups: A practical guide for applied research. Sage publications, 2015.
18. Hodder, I. Entangled: An archaeology of the relationships between humans and things. John Wiley & Sons, 2012.
19. Riessman, C. K. Narrative methods for the human sciences. Sage publications, 2008.

References

1. Nadyrshin T. M. Aktual'nost' poley obrazovaniya dlya etnografii, etnologii i antropologii [The relevance of the field of education for ethnography, ethnology and anthropology] Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya [Historical Journal: Scientific Research], 2017, no. 6, pp. 72-78 (In Russ.)
2. Kelly K. "Shkol'nyy val's": povsednevnyaya zhizn' sovetskoy shkoly v poslestalinskoye vremya ["School waltz": everyday life of the Soviet school in the post-Stalin era] Antropologicheskii forum [Anthropological forum], 2004, no. 1, pp. 104-155 (In Russ.)
3. Maslinskiy K. A. Distsiplina v shkol'noy povsednevnosti 1950-kh–1980-kh gg.: opyt sotsial'no-antropologicheskogo issledovaniya (na materiale rossiyskogo malogo goroda i sela) [Discipline in school everyday life in the 1950s–1980s: experience of socio-anthropological research (based on the material of a Russian small town and village)]. Abstract of Cand. Sci. (History) diss. St. Petersburg, 2017. 26 p. (In Russ.)
4. Kazakova K. S. Obrazovatel'nyye strategii sovremennoy sem'i [Educational strategies of a modern family] Kol'skiy Sever v XX-XXI vv.: kul'tura, nauka, istoriya [Kola North in the XX-XXI centuries: culture, science, history]. Apatity, KSC RAS Publ., 2009, pp. 64-76 (In Russ.)
5. Kazakova K. S. Shkol'naya obrazovatel'naya sistema dlya detey korennoy naseleniya Kol'skogo Severa: modeli sotsial'nogo vzaimodeystviya [School educational system for children of the indigenous population of the Kola North: models of social interaction] Sibirskiy sbornik-4: Grani sotsial'nogo: Antropologicheskiye perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury [Siberian collection-4: Facets of the social: Anthropological perspectives of the study of social relations and culture]. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS Publ., 2014, pp. 523-530 (In Russ.)
6. Kuznetsova L. A., Razumova I. A. Rol' eparkhiy Murmanskoy oblasti vo vzaimodeystvii religioznogo i svetskogo obrazovaniya [The role of dioceses of the Murmansk region in the interaction of religious and secular education] Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN [Transactions of the Kola Science Centre of RAS], 2018, vol. 9, no. 11-15, pp. 7-24. DOI 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.7-24 (In Russ.)
7. Gusel'tseva M. S. Dzhordzh i Luiza Spindler i zadachi antropologii obrazovaniya. Chast' 1 [George and Louise Spindler and the tasks of anthropology of education. Part 1] Obrazovatel'naya politika [Educational Policy], 2022, no. 4(92), pp. 18-27 (In Russ.)
8. Spindler, G., & Spindler, L. Interpretive ethnography of education at home and abroad. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1987.
9. Gusel'tseva M. S. Dzhordzh i Luiza Spindler i zadachi antropologii obrazovaniya. Chast' 2 [George and Louise Spindler and the tasks of anthropology of education. Part 2] Obrazovatel'naya politika [Educational Policy], 2023, no. 1(93), pp. 94-105 (In Russ.)

10. Gusel'tseva M. S. Antropologicheskii povorot: predposylki, latentnyye traditsii i diskursy. Chast' pervaya. Predposylki [Anthropological turn: prerequisites, latent traditions and discourses. Part one. Prerequisites] *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2023, no. 3(95), pp. 18-29 (In Russ.)
11. Gusel'tseva, M. S. Antropologicheskii povorot: predposylki, latentnyye traditsii i diskursy. Chast' tret'ya. Diskursy [Anthropological turn: prerequisites, latent traditions and discourses. Part three. Discourses] *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2024, no. 1(97), pp. 38-50 (In Russ.)
12. Nadyrshin T. M. Problemy antropologicheskogo izucheniya istoricheskogo obrazovaniya v rossiyskoy shkole [Problems of anthropological study of historical education in Russian school] *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], 2018, vol. 10, no. 6-1, pp. 186-195 (In Russ.)
13. Baranova, V. V., Maslinskiy, K. A. Identichnost' uchiteley: vybor professii i adaptatsiya k shkole [Teachers' identity: career choice and adaptation to school] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, vol. 20, no. 2, pp. 104–118 (In Russ.)
14. Emerson, R. M., Fretz, R. I., & Shaw, L. L. *Writing ethnographic fieldnotes*. University of Chicago Press, 2011.
15. Hammersley, M., & Atkinson, P. *Ethnography: Principles in practice*. Routledge, 2007.
16. Spradley, J. P. *The ethnographic interview*. Waveland Press, 2016.
17. Krueger, R. A., & Casey, M. A. *Focus groups: A practical guide for applied research*. Sage publications, 2015.
18. Hodder, I. *Entangled: An archaeology of the relationships between humans and things*. John Wiley & Sons, 2012.
19. Riessman, C. K. *Narrative methods for the human sciences*. Sage publications, 2008.

Информация об авторе

А. М. Лисицинский — аспирант.

Information about the author

A. M. Lisitsinskiy — graduate student.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.
The article was submitted 15.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 20.04.2025.